

Boriss Cilevičs

30 April 2026

[Inese Roze](#) подняла очень интересную тему – чем принудительная ассимиляция отличается от добровольной? Дискуссия получилась весьма содержательной, а мой комментарий - довольно длинным. Решил, что он заслуживает отдельного поста.

Чёткую границу между насильственной и добровольной ассимиляцией на практике провести трудно. Как и с дискриминацией – в каждом конкретном случае суд оценивает, было ли различное обращение (*different treatment*) обоснованным, соответствовало ли критериям соразмерности (*proportionality*) или пропорциональности.

Основное различие: в случае принудительной ассимиляции государство устанавливает жёсткие запреты и предписания, не оставляя индивиду возможности выбора.

Экстремальный вариант принудительной ассимиляции – это “насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую”, признанная формой геноцида (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, ст.2 e) – именно на этом основании Международный уголовный суд возбудил дело против Путина и Львовой-Беловой.

Более распространённые формы принудительной ассимиляции – запрет или ограничение использования родного языка, религиозных практик, традиций, обязательное изменение имён.

Надо отметить, что в конкретных делах в международных судах и квази-судебных органах понятие принудительной ассимиляции используется редко. В юридических документах оно заложено в формулировках других прав. Например, в Европейской конвенции прав человека это ст.8 - право на уважение частной и семейной жизни, ст.9 - свобода мысли, совести и религии, ст.14 - запрет дискриминации.

Самый общий подход такой: государство имеет право ограничивать проявления идентичности (в частности, использование языка) в официальной сфере, но вмешиваться в частную сферу может только если этого требуют законные интересы общества (*legitimate public interest*).

Впрочем, и для официальной сферы есть исключения. Так, в определённых случаях государство обязано использовать язык, которым индивид владеет: информировать о причинах задержания или ареста, обеспечивать перевод подсудимым, а также лицам, просящим убежища. Что касается личных имён, государство может вмешиваться в выбор человека только если для этого есть весомые основания (я привёл ряд конкретных примеров в своей видеолекции – см. ссылку в первом комментарии).

Важный момент: государство должно обеспечить общественные услуги всем, без какой-либо дискриминации. Иногда для достижения этой цели придётся учитывать культурные и религиозные различия, использовать другие языки. В частности, это касается медицины, пенсионной системы, прав детей. Например, государство говорит: мы ни при каких условиях не будем обеспечивать перевод пациентам, хочешь пользоваться всеми правами – ассимилируйся! В этом случае выбор ассимиляции уже нельзя назвать полностью добровольной...

На самом деле границу между публичной и частной сферой (public vs private) провести не так просто. Ряд международных документов определяют право человека пользоваться родным языком “письменно и устно, в личном общении и публично“ (например, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, ст. 10 п 1.). Не буду подробно анализировать, можем обсудить свежий пример из нашей жизни – скандал с социальной рекламой Фонда интеграции общества (см. ссылку во втором комментарии).

Важно, что сама по себе возможность выбора ещё не означает, что принудительной ассимиляции нет. Тут ключевая норма – 1 часть ст.3 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Её суть в том, что, во-первых, индивид имеет право свободно выбирать, пользоваться ли правами, предусмотренными конвенцией – т.е. “вести себя как лицо, принадлежащее к меньшинству“ или нет, можно сказать – ассимилироваться или нет. И во-вторых – такой выбор “не должен ставить этого индивида в невыгодное положение“.

Другими словами, добровольная ассимиляция подразумевает, что нет не только прямого запрета на проявление идентичности, но и давления, неформальных ограничений, проявления неприязни, общественного осуждения (см. пример с рекламой SIF выше). Если такое давление есть, то оно представляет собой элемент принудительности, и говорить о полностью свободном выборе нельзя.

Впрочем, не будем витать в облаках - конечно, в реальности выбор в пользу “меньшинственной“ идентичности всегда будет сопряжён с определёнными неудобствами и объективными ограничениями. Вопрос в том, направлена ли политика государства на искусственное усиление этих неудобств, стимулирование ассимиляции – или на то, чтобы выбор человека был максимально свободным.

Наконец, самый, пожалуй, болезненный в практическом плане вопрос – образование. Право на сохранение идентичности сегодня общепризнано, например, в Латвии это ст.114 Satversme: “Personām, kuras pieder pie mazākumtautībām, ir tiesības saglabāt un attīstīt savu valodu, etnisko un kultūras savdabību“. Сегодня среди специалистов существует консенсус, что сохранить идентичность без какого-либо участия системы образования невозможно.

Ключевой вопрос: понимает ли государство конституционное обязательство как негативное (запрет вмешиваться) или позитивное (обязанность государства содействовать осуществлению этого права)? Даже в первом случае такие действия, как запрет частных школ меньшинств, являются нарушением, что констатировал, например, Консультативный комитет Рамочной конвенции (см. ссылку в третьем комментарии) и другие международные институты. Во втором – полное исключение элементов идентичности меньшинств из публичных школ ещё более очевидно нарушает это обязательство.

Ну и, конечно, нельзя не упомянуть такие меры, как запрет школьникам говорить между собой на родном языке вне уроков, на переменах. Такие запреты активно использовались до появления принципов прав человека. В 19 веке в школах Уэльса использовали “валлийский ярлык” - табличку с надписью W.N. (Welsh Not), которую вешали на шею ребёнку, если он говорил на родном языке, в конце дня учеников,

получивших таблички, наказывали розгами. В Ирландии для тех же целей использовались специальные палочки, на которых делали зарубки, если ученик говорил по-ирландски. Полностью запрещалось говорить на родных языках в интернатах для детей индейцев и инуитов в США и Канаде. В оккупированной Корее школьники были обязаны говорить на японском даже на переменах. Подобные запреты действовали и в Эльзасе после Второй мировой войны...

Сегодня это хрестоматийные примеры политики принудительной ассимиляции, вторжения в частную сферу и в личное пространство ребёнка - практики, неприемлемой и недопустимой в современной Европе.

<https://www.facebook.com/boriss.cilevics/posts/pfbid0xkiYE3ktgcWf91Zt69D1rXj7MTby7hVKr7zTRKEY5K4xHbzPTYnSoGGBTMP51x57l>